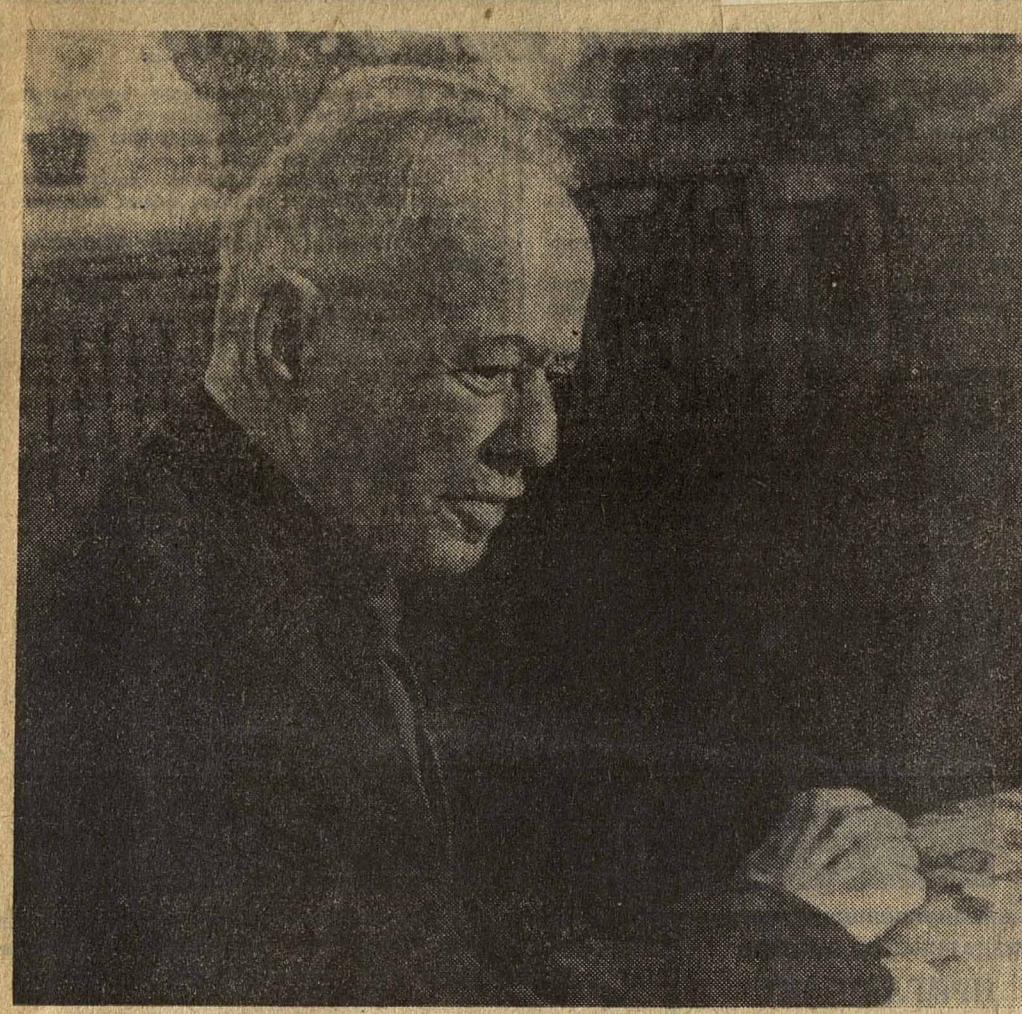

22 мая 1980 г.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ТИХИЙ ДОН... История, сана-ма жизнь навечно по-родили имя великого писателя с древней казачьей ре-кой.

Всю свою славную и добрую жизнь он прожил с бурно-тихим Доном, с далекой поры раннего отрочества научился понимать шелест трав, журчанье волн, крики птиц, порывы ветра... Сколько глубоких страниц раскрыл тихий Дон своему мудрому сыну-литописцу, сколько поведал ему, а он — всей планете...

На одном из фотоснимков, сделанных в апреле 1965 года, Михаил Александрович с чувством сыновного благоговения стоит на берегу родной реки. Он — один. Он — в раздумье, он молчит, но сколь значительно это скроенное молчание! Может быть, именно о таком молчании художника в свое время донской поэт Апол Гарнекьян написал великолепные строки: «невысказанных слов волнение сильней всего, что я сказал»...

Может быть, именно в такие минуты мучительного и вдохновенного творческого подвигничества, в минуты глубочайшего раздумья над судьбами родного края привели к нему исполненные истинной поэзии и по-человечески немного грустные, на века рожденные, эти неповторимые, кровью сердца написанные слова:

«Степь родимая! Гордый ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конюшем хлапе от ветра солово, и конь, вдахая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, честуяя ими привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюйчины балок, суходолов, красноглинистых яров, новыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского испыта, курганы, в муроме молчания берегущие зарытую казачью славу... Низко опадают и посыпавши целую твою прекрасную землю, донская, казачья, неразвязющей кровью полита степь!»

Говорит Михаил Александрович Шолохов:

— Я родился на Дону, род там, учился, формировался как человек и писатель и воспитывается как член нашей великой Коммунистической партии и являюсь патриотом своей великой материальной Родины. С гордостью говорю, что я являюсь и патриотом родного донского края.

РОМАН «ТИХИЙ ДОН» потряс людские сердца. Едва выйдя на свет, первая книга эпопеи очаро-

● К 75-летию со дня рождения М. А. Шолохова

ОТЕЧЕСТВА ВЕРНЫЙ СЫН

вала миллионы людей. Книгу читали, как говорится, «за-поем», она переходила из рук в руки, ее читали колективно, обсуждали на многочисленных конференциях, спорили, восхищались могучим выражением совсем еще юного автора, писали ему письма, приглашали на заводы, в библиотеки, в институты... Счастливчиками называли тех, кому удалось увидеть Шолохова в своих коллективах.

Книги Шолохова давно вились на мировую орбиту, решительно прорвав все пограничные кордоны. Земли, на которых властно утверждался «Тихий Дон», увеличивались с волшебной силой. Известный шоховед, доктор филологических наук, наш земляк писатель Константин Прийма в своем монографическом исследовании «Тихий Дон» сражается» рассказывает о том, как быстро, в считанные месяцы и годы «Тихий Дон» покорил читателей многих стран. Датский критик Фратер в газете «Лолл-Ф. Венстремблад» 13 мая 1932 года писал: «Шолохов — новый великий русский писатель, новый Толстой, вышедший из окопов, но живущий требованиями реализма наших дней. При чтении книги тысячи раз насталькаешься на удивительную простоту. Встречаешься с простыми людьми. И все же надо сказать, что эта книга величественна в изображении водоворота человеческих судеб и гениальна своим искусством рассказа... Мы радуемся и восхищаемся достижениями современной культуры. Так прочтите же «Тихий Дон»! Прочтите о жизни донских казаков...»*

* К. Прийма. «Тихий Дон» сражается. Изд-во «Советская Россия». Москва. 1975 г. стр. 141.

В СЮЖЕТ жизни он беззаветно служит Родине, народу, партии.

Как в один из ноябрьских дней 1965 года в Вешенскую приехали московские корреспонденты шведских газет «Дагенс инхоктер» и «Свенска дагбладет» Ларс Брингерт и Ионни Флюмдан.

Гости атаковали писателя уймой вопросов. Некоторые из них и ответы хочется припомнить:

— Хотелось бы познакомиться с вашим распорядком дня...

— Как всякий сельский житель, спать ложусь рано и рано встаю. Пишу до обеда. А после обеда читаю, принимаю посетителей. Посетителей бывает много.

— Вы депутат парламента, член ЦК КПСС. Не мешают ли вам эти обязанности?

— Общественная и партийная деятельность никогда не мешают. Встречи с народом помогают держать руку на пульсе жизни...

Это действительно так. Рука Михаила Александровича всегда на пульсе Родины.

ЕДВА на нашу землю обрушилась первая фашистская лавина огня. Михаил Шолохов отправил из Вешенской в Москву на имя народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко телеграмму:

«В любой момент готов встать в ряды Рабоче-Крестьянской Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину. Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов».

Происьбы были удовлетворены. Михаил Александрович назначен специальным военным корреспондентом газет «Правда» и «Красная Россия». Бывший редактор «Красной звезды» генерал-майор Д. Ортенберг вспоми-

нает: «Шолохов прибыл в Москву. Он успел уже обмундироваться. На нем была летняя, защитного цвета гимнастерка, бриджи, сапоги, пояс с командирской бляхой и пистолет. Он был по-казачьи строен: не писатель, а боевой командир. Вдвойне я был рад его приезду еще и потому, что он привез с собой очерк, который мы ему заказали — «В казачьих колхозах».

Михаил Александрович вложил в уста героя своего очерка мысли, которые так волновали самого писателя в ту суровую пору. Потому и сегодня, спустя почти сорок лет, мы с интересом прислушиваемся к голосу старого донского казака: «Пропишите через «Красную звезду» моим ребятам и всем бойцам, какие на фронте, что ты не подкачет! Пусть они там не дают спуску этим фашистам, пусть вгоняют в гроб, чтоб наша земля стала им темной могилой!».

А венценосы, все донские казаки и впрямь не давали спуску фашистам.

...Придет время, и будут собраны военно оставшиеся в памяти и людских сердцах, еще не прочитанные страницы военной жизни Шолохова. А венценосы, все донские казаки и впрямь не давали спуску фашистам.

...Придет время, и будут собраны военно оставшиеся в памяти и людских сердцах, еще не прочитанные страницы военной жизни Шолохова.

гом они обступили любимиго писателя. И тут один солдат смущенно попросил:

— Дорогой Михаил Александрович, подарите нашему взводу «Тихий Дон». Очень ребятам хочется, чтобы эта книга и в бою была рядом.

Михаил Александрович отважил не сразу. Видимо, слова солдата озадачили полкового комиссара.

— Дорогой мой друг, — сказал писатель, — всей душой бы рад подарить вашему взводу «Тихий Дон», да нет у меня сейчас под рукой этой книги. А солдаты вы хорошие и хочется мне непременно оставить вам что-нибудь на добрую память.

Он помедлил, решая про себя, потом раскрыл полевую сумку, достал книгу с твердым переплетом и на титульном листе своим красивым, четким почерком что-то написал.

Шолохов передал книгу командиру взвода, обнял его, сердечно распрощался с солдатами, направился в соседний блиндаж.

Бойцы с волнением раскрыли книгу. Это был третий том «Боини и мира». Всем запомнилась пророческая шолоховская надпись, сделанная в ту тяжелую военную пору, когда немцы были под Москвой: «Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Богурыни вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, речь Красному знамени над рейхстагом. До встречи в Берлине! Ваш М. Шолохов».

разлуке с семьей. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности помочь семье. Но ведь в конце концов это личные беды, личное горе каждого из нас. Из этих же самых складывается всемирное общество, которое терпит люди с приходом в их жизни войны. Личное горе горе не может заслонить от нас мучений нашего народа, о которых ни один писатель, ни один художник не сумели еще рассказать миру.

Ведь надо помнить, что огромные пространства нашей земли, сотни тысяч жизней наших людей захвачены врагом, самым жестоким из тех, что знала история. Предания древности рассказывали нам о кровопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят с нами немцы. Я видел своими глазами дочиста сожженные станицы, хутора, наших земляков — героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных жизней...

Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед...»

В ПЯТИДЕСЯТЬЕ годы Михаил Александрович создает всемирно известный рассказ «Судьба человека».

К этому небольшому по объему произведению люди потянулись, я бы сказал, пришли, как к животворному роднику.

«Судьба человека» снискала всесобщее признание. Читатели были единодушны в своем высоком оценке: рассказ о судьбе Андрея Соколова — одно из самых сильных, самых ярких произведений о Великой Отечественной войне.

ЗА КОРОТКОЕ историческое время книги Михаила Александровича стали литературным знамением двадцатого века. Они обошли и покорили все материки, все страны земли.

Книги Шолохова сегодня высочайшее мерилом в оценке глобальных явлений мировой литературы. Произведения, снискавшие признание всего человечества, подобны солнечному свету, озаряющему гигантское поле мировой культуры, они стали той творческой вершиной, по которой определяется истинная художественная ценность и высота этого или иного произведения.

Передовое человечество с благодарностью восприняло творчество Шолохова. И не об этом ли написал свой прекрасный стихийный советский поэт Николай Рыленков, когда в 1964 году я как составитель сборника «Михаил Шолохов», посвященного 60-летию автора «Тихого Дона», попросил его принять участие в новом издании:

Есть вечные глубины
в «Тихом Доне».
То, что мирозд наш советъ
зовет.
Гремит гроза иль ясен
небосвод.
Мы вновь и вновь, забыв
дороги счет,
Как в первый раз, придем
к нему, и вот —
Все мелкое ушло. Душа
бездонней.
Святая жажды дела ищет
ладони.
Святая жажды правды —
сердце ищет.

Фото Е. Недери.

Десятки писем со всех континентов из-за рубежа ежедневно ложатся на рабочий стол писателя.

Фото Е. Недери.

Вспоминается письмо военного корреспондента Шолохова, написанное в 1943 году и адресованное американским друзьям:

«В качестве военного корреспондента, — говорит в нем, — я был на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах. Хочу обратиться к вам не как писателю, а просто как гражданину союзной вам страны.

В судьбу каждого из нас война волеет с собою неизбежна, как гражданин, говорит об исключительном самообладании полкового комиссара, а потом, с введением погон, полковника Шолохова, о его мужестве, бесстрашии, душевном отношении к солдатам.

Рассказывают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

поминают о том, как однажды на передовой, в минуты затишья, Шолохов встретился с группой пехотинцев. Радости бойцов не было предела. Тесным кру-

ПО ШОЛОХОВСКИМ МЕСТАМ

Край родной, станица Вешенская

Помните: «невеселая, вся в засыпи желтососков»...

Это — о станице Вешенской. Такой, какой была она когда-то, какой нарисована на шолоховских страницах.

Ну, конечно, давно стала она иной, эта старинная казачья станица, родина Михаила Шолохова. И все же остается в ней все, что так или иначе связано с жизнью, творчеством, общественной и бытовой повседневностью писателя, книги которого знает и любит весь читающий мир.

Вот она — изначальная Дона-реки: белокирпичные современные здания и старинный собор, зеленые